

DOI 10.31250/2618-8600-2020-3 (9)-6-32

УДК 004.55:316.6

А. В. Головнёв

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

■ Киберскорость*

АННОТАЦИЯ. Статья состоит из разделов «Кормчие киберпространства», «Слитное времяпространство и эффект быстрой эмоции», «Страх скорости и скорость страха», «Ковид как зеркало киберреволюции», в которых представлены истоки понятия *кибер*, с античных времен означавшего «руление/управление», а сегодня ставшего обозначением феномена, преобразующего человека и мир. На наших глазах происходит мировая киберреволюция, и кибермир становится едва ли не большей реальностью, чем сама реальность. Скорость информационного интерактива наделяет сетевое времяпространство свойством проектно-субъектного сжатия с эффектом быстрой реализации и сменяемости. Киберскорость позволяет сжимать до мгновений и микроразличий гигантские пространства и массивы времени. Человек не всегда ладит с ураганом веб-информации или со скорострельностью чата. Спутником скорости нередко оказывается страх. Сегодня на месте реальных страхов появляются киберстрахи. Скорость страха нередко превышает скорость источника страха. Например, трудно понять, что распространяется быстрее — коронавирус или страх перед коронавирусом. Остановка социальной жизни в условиях пандемии чревата взрывами, и в карантинной статике вместо движения началось брожение, прорывающееся в неожиданно бурных и массовых протестах. Резонанс соединенной виртуально-реальной коммуникации таков, что моментальная эмоция может породить социальную лавину. Киберскорость обнажает и гипертрофирует то, что обычно скрывается этикой взаимного сдерживания и правилом «утро вечера мудренее».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

скорость, киберпространство, сжатое
времяпространство, страх, коронавирус

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Головнёв А. В. Киберскорость.
Этнография. 2020. 3 (9): 6–32. doi
10.31250/2618-8600-2020-3 (9)-6-32

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 18-78-10077 «Виртуальная этничность и кибер-этнография: новация на фоне традиции».

A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera) of the Russian
Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

■ Cyberspeed

ABSTRACT. The article consists of the sections “Helmsmen of Cyberspace”, “Fused Spacetime and the Effect of Rapid Emotion”, “Fear of Speed and the Speed of Fear”, “Covid as a Mirror of Cyber-Revolution”, which present the origins of the concept of *cyber* meant “steering/control” since ancient times and today becoming the designation of a phenomenon that transforms man and the world. We witness a global cyber-revolution, when the cyber-world is becoming almost a greater reality than reality itself. The speed of the informational interactive endows this space-temporal network with the property of project-subject compression which provides an effect of quick fulfillment and turnover. Cyberspeed allows gigantic spaces and arrays of time to be compressed to instants and microparticles. A person does not always get along with a storm of web-information or a velocity of chat. Speed is often accompanied with a fear. Today, real fears are replaced by cyber-fears. The speed of fear often exceeds the speed of the source of fear. For example, it is not easy to understand what is spreading faster — the coronavirus or the fear of the coronavirus. The cessation of social life in a pandemic is fraught with explosions, and in the statics of quarantine, when fermentation replaces motion, the eruptions of unexpectedly decisive and massive protests are feasible. The resonance of connected virtual-real communication is such that an instant emotion can generate a social avalanche. Cyberspeed exposes and exaggerates what is usually hidden by the ethics of mutual containment and the rule “the morning is wiser than the evening”.

KEYWORDS:

speed, cyberspace, compressed
spacetime, fear, coronavirus

FOR CITATION:

Golovnev A. Cyberspeed. *Etnografia*.
2020. 3 (9): 6–32. (In Russ.). doi
10.31250/2618-8600-2020-3 (9)-6-32

Для человека — и, соответственно, антропологии — актуальна скорость, которая адекватна человеческим мыслям, реакциям, жестам, действиям. По-своему значимы и «нечеловеческие» скорости, например неуловимо стремительный полет света или невообразимо медленные колебания земной коры, которые не укладываются в сознание и психику, но формируют их извне. Однако внешние (нечеловеческие) скорости, темпы и ритмы могут не только присутствовать в окружающей среде, но и проникать во внутренний мир человека, преобразовывая его. Скорость — отнюдь не забава, которой можно в одной ситуации потешиться, а в другой пренебречь. Если вспомнить, что она обладает «волшебством превращения» (Головнёв 2020), то одним из путей преобразования человеческой природы оказывается очеловечивание нечеловеческих скоростей.

В былые времена социальные/внешние ритмы и скорости воздействовали на человека через календарь, рабочее время, школьное расписание, заводской гудок, армейские команды и т. д., но никогда прежде они не проникали столь глубоко в личное пространство, как это происходит в интернет-эпоху. Помимо привычного диапазона скоростей, человек обладает адаптивностью к иным скоростям и новым ритмам (например, к клиповому монтажу и скороговорке на новостных каналах ТВ). Сегодня на нас воздействует множество разнородных импульсов, в том числе многопрограммное телевидение, интернет, мобильная связь. Современный человек-онлайн настроен внешними ритмами и скоростями настолько, что в каком-то смысле представляет собой придаток социальных сетей. Ни одна социальная утопия, включая религии и коммунизм, не предполагала степени социализации личности, достигаемой под воздействием интернета. «Сетевой человек» — новая реальность не только для антропологии, но и для биологии. Он трудится в сетях, питается из сетей, дружит и ссорится в сетях, видит сетевые сны, ищет удовольствий, счастья и бессмертия в сетях. Сеть стала его жизненным миром, виртуальным домом, защитной оболочкой. Воздействовать на сетевого человека можно только через Сеть. Он уже не человек постмодерна, а постчеловек кибермодерна.

КОРМЧИЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Если кто-то полагает, что киберсеть (WWW) выросла из стремления к знаниям или жажды общения, то он лишь отчасти прав. Слово *кибер* происходит от греческого *κυβερνάω* — ‘управлять’ (точнее: ‘рулить’, поскольку буквально подразумевает «руление» кормчего на корабле). От этого «руления» образовано платоновское *κυβερνήσις* (*κυβερνήτης*) — искусство управления городом, а также, через латинское *gubernare*, — итал. *governare*, исп. *gobernar*, франц. *gouverner*, англ. *govern*, рус. *губерния*

в одинаковом значении «управлять, управление». Одна из античных школ схоластов имела девиз: *Philosophia biou kubernetes* (Философия — кормчий жизни). Андре-Мари Ампер в «Опыте о философии наук» (1834–1843) счел слово *cybernétique* удобным для обозначения науки об управлении государством, которую он отнес к разряду политических наряду с дипломатией, теорией власти и этнодией (правом народов). Век спустя, в 1948 г., Норберт Винер еще раз воскресил понятие *cybernetics*, обозначив им науку/искусство управления в сочетании с главным инструментом этого управления — компьютером (Винер 1968: 56, 57; Hughes 1975: 14). Несмотря на ветвистую генеалогию и прерывистую траекторию, слово *кибернетик* до сих пор хранит в себе значение «кормчий», а *кибернетика* подразумевает руление-управление-навигацию — теорию и технологию контроля, в том числе социального и глобального.

Авторство понятия *cyberspace* принадлежит американско-канадскому писателю-фантасту Вильяму Гибсону, описавшему киберпространство как мир цифровых технологий в рассказе «Burning Chrome» (1982), а затем в романе «Neuromancer» (1984), переросшем в трилогию «Sprawl Trilogy» (1984–1988). (Анти)герой романа — наркоман и хакер Генри Кейс, нанятый корпорацией Tessier-Ashpools для взлома программных защит и синтеза в единый суперинтеллект двух искусственных разумов, Wintermute и Neuromancer, проникает в киберпространство с обитающими в нем клонированными разумами и кибернетически модифицированными персонажами виртуального мира. Если в 1984 г. Гибсон называл киберпространство «согласованной галлюцинацией» (*consensual hallucination*), то в 1990-е эта галлюцинация стала глобальной «виртуальной реальностью» — Всемирной паутиной (WWW), к которой привязалось понятие *cyberspace*.

Чем большее пространство людей, идей и вещей охватывает киберсеть, тем заметнее в слове *кибер/cyber* значение «навигация», деликатно скрывающее аспект «управления». Одновременно генерируется и утверждается идея Всемирной паутины как общечеловеческого форума, уютной и общедоступной «глобальной деревни», сообщества равных, располагающих одинаковыми возможностями. За короткий срок идеалы и образцы переместились из мира реалий в мир виртуалий, и даже «американская мечта» уступила место «кибермечте».

Первоначально киберпространство копировало и в чем-то дополняло реальный мир, при этом интернет воспроизводил не только достоинства, но и пороки, давая выход подавленным влечениям в полном согласии с фрейдизмом, да еще и гипертрофированно: нигде прежде порнография не расцветала так буйно, как в кибермире; не случайно слово *вирт* сразу обросло коннотациями, связанными с сексуальными играми (призыв к виртуальному общению до сих пор у многих ассоциируется с эротикой). Заметные перемены произошли и в этике: например, самолюбование,

считавшееся в реальном мире дурным тоном, в виртуальном стало популярным.

На первых порах кибермир имитировал (копировал, дублировал, хранил) реальность и, казалось, был у нее в услужении. Затем, когда у всех явлений появились веб-двойники, виртуальность стала подменять реальность, благо английские слова *real* и *virtual*, означающие разные ракурсы действительности, как нельзя лучше подходят для этого плавного транзита. Наконец, киберклоны стали подавлять реальные образцы, подобно симулякрам (Бодрийяр 2015), но уже проектно и системно.

На наших глазах один за другим рождаются киберклоны реальности: киберкультура, кибертехнологии, киберспорт, кибертерроризм, кибершпионаж, киберпреступность, кибербезопасность, киберриск, кибердомогательство (*cyberstalking*), кибервымогательство (*ransomware*), киберэкспертиза, кибершантаж, кибертравля (*cyberbullying*), фишинг-мошенничество (*phishing scam*). Особенно преуспевают агрессивные и криминогенные клоны. Во всех сферах активисты превращаются в хактивистов (*hacktivist* — от сочетания *hacker & activist*).

Киберпреступление отличается от обычного тем, что «не знает физических или географических границ», совершается с меньшими усилиями и с большей скоростью, чем традиционное преступление (Maras 2016). На постсоветском пространстве, где в 1990-е гг. были распространены технологии подделок, сейчас столь же бурно развиваются кибертехнологии фейковых продаж, услуг, поставок, доставок и др. Эта «популярность в народе» показывает сдвиг социальной активности в киберпространство. По наблюдениям аналитиков, киберпреступность следует по пятам за IT-изобретениями (а иногда провоцирует их); ныне актуальны киберриски использования дронов, роботов, беспилотных авто- и других мобильных. Более того, у киберпространства, еще недавно бывшего лишь тенью реального мира, появляются свои тени, в том числе DarkNet ('темная сеть'). Обозначившийся тренд мультипликации кибермиров и генерирования самых неожиданных услуг несет в себе сюрпризы и угрозы. Сегодня хакеры могут подвергнуть киберосаде целые «умные города», парализовав их веб-сайты, платежные и охранные системы, как это случилось в марте 2018 г. в Атланте или в октябре 2018 г. в порту Сан-Диего¹.

Если кибератаки стали повседневностью, то кибервойны пока лишь назревают и сценируются. Полным ходом идут милитаризация киберпространства (*militarization of cyberspace*) и гонка кибервооружений (*cyber arms race*). Известны лидеры этой гонки, уже сейчас обладающие специальными ресурсами киберагрессии и киберобороны: США, Великобритания, Китай, Россия, Индия, Пакистан, Иран, Северная Корея. До сих пор кибервойна не переходила в активную фазу, и в ответ

¹ См.: <https://www.richardvanhooijdonk.com/blog/en/25-cyber-threats-to-fear/> (дата обращения: 01.07.2020).

на кибератаки применялось реальное вооружение: первый такой ответ датируется 5 мая 2019 г., когда силы Армии обороны Израиля разбомбили здание, из которого исходили кибератаки Хамаса (Liptak 2019). Однако не за горами кибервойны, которые будут полностью вестись в киберпространстве; гипотетическая III мировая война сегодня рисуется преимущественно как кибервойна. Место геополитики все явственнее занимает киберполитика.

Еще недавно исполненная изысканных дипломатических ритуалов, современная политика осваивает новые кибержесты и киберсцены. Множатся наименования новых средств дипломатии: digital diplomacy (digiplomacy), eDiplomacy, Twitter diplomacy (Twiplomacy), Facebook diplomacy, Hashtag diplomacy и др. Речь идет о новом способе публичной дипломатии с использованием социальных сетей главами государств и другими официальными лицами. Первенство на этом поприще приписывается экс-президенту США Бараку Обаме, создавшему в ходе президентской избирательной кампании в марте 2017 г. аккаунт в Twitter. За ним последовали главы Мексики, Бельгии и Канады, открывшие подобные аккаунты. В 2013 г. уже три четверти мировых лидеров имели аккаунты в Twitter². Особый размах твипломатия приобрела весной 2014 г., когда на фоне крымско-украинских событий между Госдепартаментом США и Министерством иностранных дел России развернулась информационная дуэль в Twitter под хештегом #UnitedforUkraine. В последние годы фронтменом твипломатии стал Дональд Трамп, предпочитающий твиты в качестве официальных заявлений. Благодаря твипломатии «внешняя политика стала менее внешней», а контакты между политиками и всемирной аудиторией ускорились до мгновения. В то же время Twitter (как и Facebook) оказался не просто распространителем, но и распорядителем информации. Он может по своему усмотрению «почистить» аккаунты первых лиц планеты, в том числе президента США, как это случилось 28 июля 2020 г., когда Twitter удалил ретвит Трампа «От ковида теперь есть лекарство», заменив его серым квадратом с надписью «Этот твит больше недоступен»³.

Сходная ситуация и перспектива прослеживаются в мире финансов, где ныне безраздельно господствуют кибертехнологии, реальностью стала криптовалюта (биткоин, альткоин и др.), киберсделки осуществляются посредством электронных платежей, а в ходе онлайн-шопинга киберденьги (cyber-money, electronic cash) переводятся в интернет-магазины. Среди самых дорогих мировых брендов 2020 г. пять верхних позиций, по версии Forbes, занимают IT-компании — Apple, Google, Microsoft,

² См.: <https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2013/> (дата обращения: 01.07.2020).

³ См.: www.nbcnews.com/politics/donald-trump/twitter-removes-tweet-highlighted-trump-falsely-claiming-covid-cure-n1235075 (дата обращения: 01.07.2020).

Amazon, Facebook⁴. При общем спаде мирового производства ввиду пандемии капитализация Apple в августе 2020 г. превысила 2 трлн долларов. Галерею воплощений «кибермечты» (заместившей «американскую мечту», но по-прежнему закоренной в США) открывают Билл Гейтс, Стив Джобс, Джефф Безос, Сергей Брин, Ларри Пейдж, Марк Цукерберг и другие архитекторы киберпространства.

Кибермир становится едва ли не большей реальностью, чем сама реальность. На наших глазах происходит мировая киберреволюция, вождями которой выступают те самые *кибернетик*и, которые, зародившись в Античности, дождались своего звездного часа и ныне стали «кормчими» всемирной навигации. Можно составить перечень преимуществ, ввиду которых реальный мир шаг за шагом, будто под гипнозом, сдает позиции миру виртуальному: скорость информационного интерактива, обширный диапазон коммуникации и социальных действий, контактная доступность и мобильность, изобилие сервиса, игровой инфантилизм, эффективность контроля, вариативная самореализация.

СЛИТНОЕ ВРЕМЯПРОСТРАНСТВО И ЭФФЕКТ БЫСТРОЙ ЭМОЦИИ

Кибермир — ренессанс древнего слитного времяпространства, в котором рождалось человеческое мышление, сохранившееся в ментальной карте кочевников, а в XX столетии возрожденное в теории относительности Германа Минковского и Альберта Эйнштейна. Напомню: в отличие от классической физики, где пространство и время мыслятся отдельными объективными сущностями, релятивистская четырехмерная модель единого времени-пространства (континуума) включает четыре измерения: три пространственных и одно временное. Это времяпространство субъективно, то есть зависит от положения и движения субъекта наблюдения. Можно полагать, что нерасчлененное времяпространство — естественная для человека и изначальная для человечества матрица мобильной ментальности (Головнёв 2020).

Без теории относительности и кибернетики вряд ли наступила бы эпоха постмодерна с ее «текучестью», сдвигом от мечты к реальности, переходом от долговременной стратегии к оперативной ситуативности, от строительства будущего к продлению настоящего, от романтической любви к пластичной сексуальности, от целостности времени к фрагментации по эпизодам, от вечных ценностей к мгновенному устареванию информации, от фиксированной идентичности к вариативному состоянию *fitness* (Bauman 1996; 2000). Эпоха постмодерна с ее коммуникациями

⁴ См.: www.forbes.ru/biznes/405947-samye-dorogie-brendy-mira-2020-goda-po-versii-forbes (дата обращения: 01.07.2020).

и перемещениями в масштабах и на скоростях, дотоле неизвестных, пережила, как выразился Дэвид Харви, «сжатие времени-пространства» (Harvey 1989).

Заметную роль в возрождении слитного времяпространства сыграл кинематограф, выработавший технологии сжатия времени и пространства: экранное время отличается от реального тем, что позволяет монтажом втиснуть столетия в минуту и то же самое посредством зума сделать с пространством. Относительности этому добавляет режиссура, не только играющая через монтажные приемы и крупность планов с пространством и временем, но и претендующая на авторскую субъективность в кинематографическом творении реальности. Кино, помимо зрелищности и развлекательности, пленило зрителя способностью затрагивать и выражать глубины человеческого естества, в том числе «первобытную» схему времяпространства. Магия кино сделала его «чудом века», и по скорости распространения оно не знало себе равных в мировой истории до появления интернета и мобильной связи.

В виртуальности иная, чем в реальности, скорость сообщений, реакций, решений, действий. «Бизнес со скоростью мысли» — назвал свою книгу Билл Гейтс (Gates 2001). Здесь за мгновение может произойти то, что раньше требовало целой жизни, и в этом выражается создаваемый скоростью «волшебный» эффект превращения. Если прежде к социальному признанию вел долгий творческий путь или изнурительная карьерная лестница, то сейчас достаточно мгновенного хайпа. Правда, хайп — лишь миг виртуальной славы — столь же быстротечный, как и путь к нему, но он позволяет вкусить успеха и признания. Психологически человек в этот миг пробивает потолок, нависающий над людьми большую часть их жизни. И пусть признание быстротечно, а фан-группа малочисленна и эфемерна — сама по себе достижимость и демократизация «статуса славы» рождают новое «поколение киберуспеха». Мощный поток самоконструирования, самопризнания, сопровождаемый потоком селфи, образует новый алгоритм персонально-социальной идентичности.

Генерируемая в киберпространстве новая социальность складывается во многом из групп по интересам, которые не балансируют, а усиливают персональные эго. В обычном сообществе, состоящем из людей разных наклонностей, действует реле сдерживания и противовесов, регулирующее индивидуальные капризы и предпочтения на условиях взаимных уступок. В виртуальной группе вместо сдерживания создается резонанс общей идеи, которая не встречает препятствий и становится групповой идеей-фикс или даже социальной мини-идеологией. Рельефности ей добавляет свойственная интернет-риторике эпатажная хлесткость высказываний (чтобы «быть услышанным»). В итоге — освещенная гирляндой лайков и одобрительных комментариев — идея (позиция) «овладевает массами» и создает у ее носителей иллюзию

«общего дела». Идея/группа сохраняет актуальность, если пополняется свежими известиями, действиями и участниками. Для нее важна не столько история, сколько «движуха», и в этом смысле ее времяпространство сжато до сиюминутной акции, на которую подписчики отзываются моментальными реакциями.

Хайпы, вирусные ролики, группы по интересам стали пружинами новой механики популяризации, социальных лифтов, выражения мнений, идеологических протестов, организованных действий. Понятия «вовремя» и «уместно» перемещаются из реальной жизни в виртуальный эфир и приобретают вид репостов, комментариев, лайков. Киберскорость позволяет сжимать до мгновений и микрочастиц гигантские пространства и массивы времени. В этом новом мире будто вовсе нет пространства и времени, а есть только их аватары. Киберидея часто воспринимается как смертный приговор времени и пространству. На самом деле это новое слитное времяпространство, живущее по своим правилам и ритмам.

В кибермире все подчинено воображению и конструированию, здесь заново организуется реальность (Головнёв и др. 2018). В этом смысле создание образов, в том числе симулякров, — ключевая стратегия Сети. В исследовании мобильности Ноэль Салазар фокусирует внимание на «мнимостях» (*imaginaries*): «Заряженные масс-опосредованными образами и дискурсами, мнимости циркулируют по всему миру и изменяют способ видения мира, своего в нем места и движения» (Salazar 2018: 11). Киберобразы не претендуют на универсальность и вечность; напротив, они созданы для мимолетности и сменяемости. В кибермире у истории есть сослагательное наклонение; здесь, как в зазеркалье, время может течь вспять или обернуться пространством; здесь можно начать новую жизнь, не зачеркивая прежнюю, или создать свой виртуальный клон и засеять его в вечности.

Информация организована так, что Сеть заменяет человеку знание: в Сети можно не знать ничего, кроме Сети, но знание Сети есть знание всего. Если раньше знание было выстроено по темам и источникам, по параметрам пространства и времени, то теперь оно образует единый гигантский массив, привязанный к порталам и обслуживаемый браузерами. Человеческий мозг незаметно становится микрофилиалом Сети, и каждый из нас, открывая новый аккаунт, пополняет собой сетевую «паству».

У Сети нет единственно правильных ответов, но есть разветвленная схема их поиска и бесконечность поискового пути. Сети безразлично, что мы в ней ищем и находим, но важно, чтобы поиск шел именно в ней. Поэтому она предоставляет варианты ответов на любой вкус, объединяя людей разных наклонностей и предпочтений. Напряжения и взрывы полезны для Сети — она ими питается и заряжается. Логика, метанарративы и другие устойчивые конструкты присутствуют в Сети, но на общих

основаниях. Сочетание различных «правд» создает своего рода сетевой мысленноз — многообразие идей, представляющее собой одну из высоких ценностей кибермира.

Сетевому человеку не свойственны пафос единомыслия и следование какому-либо одному метанарративу. Более того, ему доставляет удовольствие «ковырять наросты» метанарративов, в том числе религиозных и идеологических. Общий тон Сети скорее ироничен, чем патетичен. В лентах новостей и комментариях деструктива не меньше, чем конструктива: интернет-люди, как дети, любят разбирать и ломать. Девиантность здесь в моде и в тренде.

У сетевых людей случаются истерики и коллективные психозы. Во многом это связано со скоростью обращения информации. Здесь не действует правило реального мира, выраженное пословицей «Утро вечера мудренее». У кибермира нет вечера и нет утра; в нем, как в ледяной Арктике, — вечный кибердень. Если кто-то хочет реагировать — это нужно делать немедленно. Так требует сконцентрированное на текущем эпизоде сжатое времяпространство. Скорострельность чатов и диалогов в Сети такова, что включает и накаляет эмоции. По этому поводу вспоминается ставшая для меня притчей маленькая история прошлого века.

В 1998 г. я в соавторстве с Гейл Ошеренко представил в издательство Cornell University Press рукопись книги *Siberian Survival* (Golovnev, Osherenko 1999). Она, как водится, прошла строгое рецензирование, по итогам которого редактор издательства прислал мне письмо следующего содержания: «Дорогой Андрей, из трех полученных на Вашу рукопись рецензий две сугубо положительные, а третья содержит серьезную критику. Прошу Вас в ответе выразить не первую реакцию, а вторую».

По прочтении третьей рецензии я ощутил в мозгу шаровую молнию ярости и нестерпимое желание растереть автора рецензии в порошок; тут же бросился писать опровержение и чуть было не отправил его, но спохватился, вспомнив о «второй реакции». Утро вечера мудренее, и на следующий день уколы желчного рецензента показались мне не болезненными, а целительными; в сознании зазвучала фраза «жесткая рецензия — бесплатная редакция», и вместо гневной отповеди я сочинил учтливое послание с нотами благодарности, а заодно извлек пользу для книги, расставив недостающие проясняющие акценты.

В Сети никто не предлагает выдержать паузу и выразить «вторую реакцию». Между тем эффект быстрой эмоции нередко бывает сродни той самой «шаровой молнии в мозгу». Недавно я наблюдал подобный взрыв в коллективной переписке вполне приличной профессиональной группы по поводу рядового сюжета. Дело было июльским вечером, в атмосфере ковид-напряжения и раздражения, когда люди переживали смесь страха перед эпидемией, усталости от отпуска по неволе и (не)желания вернуться к «нормальной» жизни. Обычно этих людей летом не сыскать

(бестактно даже беспокоить), а тут, несмотря на поздний час, все оказались в Сети, полные бессонницы и задора. Вброшенная на обсуждение и эмоционально преломленная информация вызвала воспламенение страстей и коллективную агрессию, вылившуюся к полуночи в онлайн-митинг с виртуальными баррикадами. В разразившейся перестрелке сообщениями, напоминавшей счет шайбам в хоккейном матче, участники, вполне солидные и умудренные опытом люди, говорили об одном и том же, но с разными акцентами, и доводы терялись в стихии эмоций. На следующий день буря-онлайн сменилась штилем неловкости, и вчерашний конфликт (п)оказался вспышкой «коллективного бессознательного» в сжатом времяпространстве.

Действительно — в равной мере реально и виртуально — скорость обладает магией, которая таит в себе не только силу, но и угрозу. Человек не всегда ладит с ураганной стихией веб-информации или со скорострельностью чата (теряя шанс на «вторую реакцию», на «утро вечера мудренее»). Он незащищен перед информационными и эмоциональными киберснарядами и кибервзрывами. Нередко утрата контроля над потоком событий и эмоций ставит человека в тупик или делает его жертвой кибертолпы (в последнее время участились случаи кибербуллинга).

СТРАХ СКОРОСТИ И СКОРОСТЬ СТРАХА

Теоретик скорости Поль Вирильо, назвавший свою концепцию дромологией (от греч. *δρομος* — ‘гонка’, ‘ночной трек’), а ее фигурантов — «дромоманьяками», видел в скорости одновременно драйвер прогресса и угрозу миропорядку. Символом эпохи «дромократии» (власти скорости), помимо зловеще звучащего «дромоманьяка», служит бродящая по океанам атомная субмарина как образец абсолютного циркулярного движения «без конечных пунктов назначения». Она невидима и вездесуща, ее путь — «петля не-возвращения» (Virilio 2006: 64–69, 89, 151).

«Скорость — надежда Запада», и именно за счет сверхбыстроты (*super-quick, surviv*) были достигнуты успехи европейцев в «колониальном геноциде и этноциде». Скорость и дромократия разделили человечество на две категории: «людей надежды» (европейцев) и «людей отчаяния» (всех прочих, ограниченных в мобильности) (Virilio 2006: 70, 78).

Согласно Вирильо, столько же амбивалентна роль скорости в революциях. Скорость — двигатель революции, а революция — генератор скорости. По сути, революция 1789 г. во Франции была восстанием против «принуждения к иммобильности» — присущей феодализму «обязанности жить на одном месте». Однако вскоре «свобода приходить и уходить» переросла в обязанность движения: «Массовое восстание 1793 г. впервые установило диктатуру движения, незаметно заместившую свободу движения первых дней революции». Дромоманьяки-санкюлоты становятся

«разносчиками террора», шагающими по парижским улицам под пение Марсельезы. Революционный контингент достигает своей идеальной формы не на производстве, а на улице, где генерируется «кинетическая энергия революционных масс». При этом, по наблюдению лидера португальской «революции гвоздик» генерала Кошты Гомиша, «революция движется быстрее людей» (Virilio 2006: 29–32, 43–53, 48, 136).

Наиболее выразительна скорость в войне. Цитируя мудрость Сун Цу «Скорость — суть войны», Вирильо дополняет ее определениями Наполеона: «способность к войне есть способность к движению» и «сила армии измеряется, как в механике, ее массой, умноженной на скорость». Именно скорость поддерживает мораль в армии, «делает войну приемлемой», а преграды — преодолимыми, в том числе посредством технологичного транспорта (Virilio 2006: 47, 78, 90, 149).

С войной напрямую связана гонка вооружений, которую можно представить и как «вооружение гонки». Прежнее вооружение подразумевало «войну в пространстве», нынешнее (ядерное) — «войну во времени». Карибский кризис 1962 г. стал моментом истины относительно скорости. Раньше две сверхдержавы располагали примерно равным пятнадцатиминутным ресурсом реагирования на ракетный удар (после оповещения систем предупреждения). Установка советских ракет на Кубе грозила сокращением этого ресурса для Америки до 30 секунд. Для разрешения кризиса была проложена «горячая линия» между главами сверхдержав, сократившая переговоры до мгновенных реакций (Virilio 2006: 152, 155).

Сущность стратегии предупреждения, опережения и отражения ракетно-ядерного удара состоит в скорости и исчисляется в долях секунды. Сегодня, по словам Вирильо, мы столкнулись с фактом: «Скорость есть война, последняя война». Она истощает естественные ресурсы, флору и фауну, натуральную экономику; «дромократический интеллект осуществляет перманентный натиск на мир, и через него на природу человека». Вирильо обобщает: «На самом деле история развивается со скоростью систем вооружения», но в то же время предостерегает: дромология не только открывает новое понимание истории, но и предупреждает об эффекте «насилия скоростью», о мощном и не вполне осознанном потенциале скорости (Virilio 2006: 86, 153, 155).

Итак, скорость, помимо восторга, вызывает страх. Один из распространенных страхов человека — тахофобия (боязнь скорости). Эта фобия включает езду на автомобиле, мотоцикле, велосипеде, катание на американских горках или просто чересчур быструю ходьбу. В некоторых случаях она распространяется на быстрый разговор, быструю еду и вообще торопливую жизнь. «На слишком быстрых скоростях жизни человеку некогда быть человеком», — заметил Фазиль Искандер. «Скорость убивает!» — гласит лозунг кампании, поднявшейся после гибели в автокатастрофе принцессы Дианы (Duffy 2009: 3).

Впрочем, страх как спутник скорости обладает и креативным эффектом. Под давлением страха смерти (быстротечности жизни) возникли мифы и ритуалы, из-за опасений вражеских набегов выросли крепости и города, сложились государства и системы безопасности. У средневековых монголов забота хана о собственной безопасности вызвала к жизни гвардию кешик, пронизавшую, будто нервная сеть, всю Орду и наладившую в ней молниеносную интерактивную связь. Эта гвардия стала ядром кочевой империи, покорившей огромные пространства срединной Евразии. Преимущество монголов состояло в скорости маневров и облав, а также системе контроля над страхом, реализуемой ханом и его гвардией. Эта система основывалась на быстроте реакции и опережающем действии, а также на укрощении страха и перенаправлении его на врагов и покоряемые народы.

Страх — естественная и примитивная человеческая эмоция, порождаемая как реальными, так и вымышленными угрозами. Человек испытывает страх телом и духом: состояние тела, включающее дрожь, пототделение, учащенное сердцебиение и дыхание, известно как реакция «бей или беги» (“fight or flight” response). При этом эмоционально реакция варьирует от негатива (предчувствия неминуемой смерти) до позитива (у «любителей страха» и «искателей адреналина» руферов, серферов, дайверов и прочих экстремалов). Страх связан с множеством функций и чувств хотя бы потому, что в мозге за него отвечает мозжечковая миндалина (*corpus amygdaloideum*), которая регулирует эмоции, а также действие памяти, принятие решений, распознавание лиц, агрессию и сексуальное возбуждение (Amunts et al. 2005).

Репертуар страхов обширен, и все они амбивалентны. С одной стороны, страх как трусость с давних пор порицается. С другой — во всех авраамических религиях «страх божий» — благоговейное отношение к Богу — считается добродетелью: «Страх Господень — источник жизни, удаляющий от сетей смерти»; «Страх Господень прибавляет дней» (Притчи 10: 27; 14: 27). Этот страх служит противовесом экзистенциальному страху смерти, и управление им является конкурентным преимуществом религии.

Политика и идеология на свой лад манипулируют страхами, конструируя эталоны плохого и хорошего страха. Например, Е. Я. Курганов различает страх возвышающий и страх порочный. Первый, свойственный еврейской мистике и запечатленный в Каббале, связан с изучением Закона и присутствием Бога; он избирается, а не навязывается, он благодетелен и спасителен: «Обретение и культивирование страха — это обретение божественного в человеческом»; «путь праведных — это путь страха». Второй вид страха — «темного, дестабилизирующего и разрушающего» — присущ России начиная с московского периода; он навязывался государством, и человек не имел возможности его избежать:

«Страх давил на личность, уродовал ее», «он не поднимал, а тянул вниз, он вел не к совершенствованию личности, а к ее деградации». Свою апологию страха автор завершает «выводом, пронизывающим и рациональное, и мистическое ответвления еврейской мысли: утеря культуры страха грозит человечеству распадом и гибелью: нужно не избавляться от страха, а учиться страху» (Курганов 2005: 36–42).

Учиться и учить страху, использовать его то во спасение, то для подавления — универсальный стиль власти, религии и идеологии. Власть над страхом — это власть над людьми, над паствой, над подданными. Управление страхами сродни мастерству фармацевта, способного применить снадобье по своему усмотрению — как лекарство или как яд.

По наблюдению психологов, страх неизвестности (fear of the unknown) есть «фундаментальный страх» (Carleton 2016). К нему по природе близок страх потери контроля (fear of losing control), неизменно вызывающий стресс и панику. Частным случаем из этого ряда сегодня можно считать страх отключенности от Сети, когда человек теряет контроль над происходящим и, что самое удивительное, над собой (множатся случаи истерик и душевных расстройств из-за отключения интернета). Более того, интернет быстро наращивает свою (уже львиную) долю обеспечения безопасности своих пользователей.

Впрочем, предоставляя средства безопасности и виртуального контроля (навигация, информация, коммуникация), интернет одновременно создает новые угрозы. На месте реальных страхов появляются киберстрахи. Ричард ван Хойдонк насчитал 25 киберугроз, вызывающих страх, в том числе: «5G-технология несет угрозы кибербезопасности»; «социальные медиа становятся политическим инструментом»; «вредоносные боты влияют на мировую экономику»; «кража вычислительной мощности для производства криптовалют»; «вредоносное ПО под управлением искусственного интеллекта имитирует поведение хакеров» и др.⁵

Скорость страха нередко превышает скорость источника страха. История полна случаев смертоносной паники, возникающей от одного только слуха о приближении вызывающего ужас врага. Например, во времена монгольских завоеваний сковывавший волю ужас несся впереди и быстрее самих монголов. В нагнетании этого всепобеждающего страха монголам не было равных: их стремительные и неожиданные набеги со столь же внезапными уходами имели целью и следствием не только полон и добычу, но и разрушение всех немонгольских систем контроля и безопасности. Со времен Чингисхана природа страха не изменилась и по-прежнему связана со скоростью. Сегодня, например, трудно понять, что распространяется быстрее — коронавирус или страх перед коронавирусом.

⁵ www.richardvanhooijdonk.com/blog/en/25-cyber-threats-to-fear/ (дата обращения: 01.07.2020).

КОВИД КАК ЗЕРКАЛО КИБЕРРЕВОЛЮЦИИ

2020 год входит в историю под тегами «коронавирус» и «пандемия». Когда в начале года эти слова появились в новостных лентах, едва ли кому-то приходило в голову, что за короткий срок они станут мантрой всех медиа-каналов и человечество спешно подчинится новым правилам поведения «в условиях пандемии», жертвуя прежними ценностями и устоями. Еще год назад человека, рисующего картину тотальной изоляции всех от всех, сочли бы сумасшедшим. В мировом пандемониуме неизвестен демон, способный одним махом отменить Олимпийские игры, чемпионат мира по хоккею, чемпионат Европы по футболу, Каннский кинофестиваль, «Октоберфест», конкурс «Евровидение», а заодно рукопожатие и улыбку (скрыв ее под маской). Современный мир, добившийся невиданных технических успехов и неслыханных либеральных свобод, вдруг перешел в глухую оборону и покорно закрыл все, что прежде открывал. В чем же мощь загадочного вируса, нокаутировавшего человечество?

Несколько дат и цифр из ковид-хроники:

- 31 декабря 2019 г., в канун Нового года, из Китая пришла весть о неведомом вирусе, обнаруженном в городе Ухань провинции Хубэй.
- 9 января 2020 г. от новой болезни умер первый китаец в возрасте 61 года.
- 24 января число жертв вируса выросло до 25; в провинции Хубэй закрыли 13 городов, включая Ухань.
- 28 января число жертв коронавируса превысило 100 человек; о закрытии предприятий в Китае объявил Samsung.
- 29 января компания Google закрыла офисы в Китае.
- 30 января Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала вспышку коронавируса чрезвычайной ситуацией.
- 2 февраля первая смерть от коронавируса за пределами Китая — на Филиппинах.
- 4 февраля Минздрав России объявил о подготовке к эпидемии коронавируса.
- 10 февраля Великобритания ввела карантин.
- 11 февраля ВОЗ дала вирусу название COVID-19 (Corona Virus Disease 2019).
- 13 февраля в Лондоне подтвержден первый случай заражения коронавирусом.
- 15 февраля первая смерть от коронавируса в Европе (умер пожилой турист из Китая).
- 16 февраля в Китае введена смертная казнь за сокрытие симптомов коронавируса.
- 18 февраля компания Apple ограничила поставки iPhone из-за коронавируса.

- 22 февраля первая смерть от последствий коронавируса в Италии.
- 28 февраля Всемирный совет по туризму оценил ущерб от коронавируса в 22 млрд. долл.
- 9 марта Италия ввела режим изоляции.
- 11 марта генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус объявил эпидемию коронавируса пандемией; США закрыли въезд для стран Шенгена.
- 13 марта центром пандемии объявлена Европа.
- 16 марта Евросоюз и Россия закрыли границы, Франция ввела чрезвычайные меры.
- 29 марта Китай объявил об окончании эпидемии коронавируса в стране.
- 31 марта центром пандемии по числу жертв стали США.
- 2 апреля число зараженных в мире превысило 1 млн.
- 4 мая ряд стран, включая Испанию и Италию, начали смягчать ограничения.
- 28 июня число зараженных в мире превысило 10 млн.
- 20 августа общая статистика ковида: более 22 млн заразившихся, 782 тыс. умерших.

В сравнении с предшествующими пандемиями ковид по количеству заразившихся и умерших выглядит более чем скромно. Например, «испанка» (испанский грипп) — пандемия столетней давности (1918–1920 гг.), унесшая около 5% населения планеты, — оставила после себя впечатляющую статистику: более полумиллиарда заразившихся и около 100 млн умерших («испанка» соотносима с ковидом и по этиологии: поражение и разрушение тканей легких). Показатели ковида в десятки раз ниже, особенно по смертности: за полгода число заразившихся составило около 20 млн человек, умерших — около 0,7 млн. По данным ВОЗ, ковид протекает преимущественно в легкой и бессимптомной форме (более 80%) и значительно реже (до 5%) — в тяжелой. Во многом эти невысокие показатели ковида достигнуты благодаря жестким и согласованным мерам, принятым ВОЗ, Китаем и другими государствами.

Ковид заметно уступает предшествующим пандемиям в летальности, зато превосходит их в скорости и масштабах охранительных мер. Быстрога реакции на тревожные известия о заболевании была настолько высока, что позволяла предупреждать события и «опережать время»: например, Великобритания ввела карантин (10 февраля) за три дня до первого случая заражения коронавирусом в Лондоне (13 февраля). Таким образом, меры принимались не по факту заболевания, а по воображаемому сценарию эпидемии. Если с ВОЗ и политиками такой порядок согласований возможен, то убедить массы людей добровольно пойти на жесткие самоограничения гораздо сложнее. Веками выверенный опыт

Рис. 1–4. Народные изобретения защиты от коронавируса
Fig. 1–4. Folk inventions of protection against coronavirus

подсказывает, что это достижимо только посредством страха, а современный опыт свидетельствует, что лучшим каналом его нагнетания служит интернет.

Информационная повестка февраля быстро наполнилась драматичными историями о случившихся и ожидаемых смертях пожилых людей. Категория 65+ была объявлена группой риска. Старческие тревоги, обычно регулируемые балансом настроений, сконцентрировались и образовали в Сети мощный поток. Свою роль сыграла заложенная в религиях предрасположенность к апокалипсису, и вместо ожидания весны наступило ожидание светопреставления. В Сети и СМИ началась виртуальная «пандемия страха».

Старческое уныние регулярно взбадривалось шокирующими новостями: с 10 по 18 февраля по Сети муссировались известия о массовом (свыше 500 человек) заражении вирусом пассажиров круизного лайнера Diamond Princess, закоренного на карантин в порту Иокогамы. 25 февраля пришла весть о заблокированной в отеле на Канарах тысяче туристов. Эти картины, при ближайшем рассмотрении вовсе не кошмарные (дополнительные дни на Канарах или в каютах лайнера), в режиме быстрых эмоций вызывали ощущение «краха идеалов». Свой вклад в расшатывание психики внесли мировые экономические лидеры (не в последнюю очередь IT-корпорации), торопливо объявлявшие о сокращении производств и локдаунах. Атмосферу всеобщего бедствия усиливали заявления политических лидеров вроде обращения к народу 17 марта президента Франции Э. Макрона: «Мы на войне!».

Масштаб паники по поводу загадочного (и тем еще более кошмарного) вируса не имеет аналогов в истории. Прежние пандемии были на порядок смертоноснее, но нынешняя явно превзошла их в конструировании ужасов. Связано это в значительной мере с необычным темпом и давлением виртуальной ковид-пандемии: благодаря киберскорости мир узнавал о заражениях, мучениях и смертях не размеренно, от случая к случаю, а лавинообразно. Мощное информационное давление нагнетало атмосферу страха, в которой произошли быстрые этические подвижки: если раньше страх было принято скрывать, то теперь он стал правилом хорошего тона.

«Оправдание страха» укрепило право на запугивание. В политической и медиа риторике усилились акценты на опасности общественных действий. Карантинные императивы с неожиданной легкостью отменили по всему миру казавшиеся незыблемыми социальные и экологические права на общение, собрания, прогулки, отдых на природе. В России слово «шашлычник» приобрело обвинительный оттенок, зато в обиход вошел целый пакет новых слов и значений: «социальная дистанция», «самоизоляция», «удаленка», «ковид-диссидент», «локдаун».

Перед ковид-пандемией не устояла даже всемогущая мировая экономика, и те же медиа обозреватели, которые недавно с жаром обсуждали новости индустрии и биржевых рейтингов, принялись со страхом зачитывать сводки о жертвах коронавируса. Пандемия вызвала крупнейшую после Великой депрессии 1929–1932 гг. мировую рецессию, массовый голод «библейских масштабов» (в 2020 г. прогнозируется рост числа голодающих на 130 млн человек), разорение огромного числа предприятий. Впрочем, глобальный локдаун приостановил лишь экономику-офлайн, тогда как экономика-онлайн, напротив, набрала обороты. По существу случился не паралич, а принудительный перевод экономики в режим «онлайн».

Пандемия страха симптоматично выразилась в забавных массовых истериях вроде панической скупки туалетной бумаги на Западе и гречки в России. По слухам, бум скупки туалетной бумаги начался с совета некоего китайца, переболевшего коронавирусом, иметь при себе туалетную бумагу, которую можно использовать как маску и носовой платок. Медиа и соцсети разнесли этот рецепт, и люди по всему миру ринулись скупать рулоны туалетной бумаги. Возможно, дело не в жизненном опыте китайца и не в известном эффекте страха, называемом физиологами расслаблением сфинктеров («медвежьей болезнью»), а в кумулятивной резонансной реакции на угрозу долгой осады, избавления от которой помутневший рассудок ищет в запасах пищи и туалетной бумаги. По этому поводу на фоне биржевой лихорадки в Сети прозвучала ирония: «Из ценных бумаг выше всех котируется туалетная». В охваченных ковид-паникой США наряду с провизией и туалетной бумагой массово скупалось оружие (американский вариант глухой самозащиты). В России к закупкам гречки в конце марта добавился ажиотаж вокруг имбиря, вдесятеро взлетевшего в цене ввиду пронесшегося по соцсетям слуха о его способности защитить от вируса, а в конце апреля случился кратковременный соляной бум из-за выложенного в сетях совета предохраняться от ковида с помощью раствора соли. Синдром скупки туалетной бумаги связан с «оправданием страха» и отменой стыда за трусость, а также с эффектом быстрой социальной эмоции, когда некогда ни проверять, ни обдумывать информацию.

Панике пытались противостоять ковид-диссиденты и скептики, но их критика нередко питала ту же машину страха. Например, мартовское «разоблачительное» интервью Андрея Караулова с биологом Ириной Ермаковой только подогрело тревогу, поскольку в предложенной ею альтернативной версии происхождения пандемии вирус действовал не сам по себе, а вместе с синтией — искусственно синтезированной бактерией, предназначенной для очистки акваторий после аварийных разливов нефти (как это произошло в Мексиканском заливе). Сообщалось, что синтия, которой положено поглощать нефтяную пленку, вышла из-под контроля и самопроизвольно размножается, пожирая все на своем пути, и именно

Рис. 5–7. Эпизоды панической скупки туалетной бумаги
Fig. 5–7. Panic buying toilet paper episodes

этот микроскопический монстр, попав через рыбу на рынок Уханя, вызвал (во взаимодействии с коронавирусом) пандемию. Кстати, — подбросили участники диалога очередной рецепт, — «отвлечь» синтию может только сода, которую рекомендуется пить во избежание заражения.

Коллекция альтернативных, в том числе конспирологических, версий об истоках ковида непрерывно пополняется и заслуживает отдельного очерка. В развернувшейся «войне нарративов» стороны (прежде всего Китай и США) обвиняют друг друга в злодейских умыслах и разработках биологического оружия. Поклонники других конспирологических толкований указывают на ключевую роль тех самых «кибернетиков»,

которые опутали мир виртуальной сетью. Ссылаясь на показатели прибыли и капитализации, они обнаруживают, что пострадала от пандемии только реальная экономика, тогда как виртуальная существенно укрепилась. Соответственно, коронавирус послужил поводом к решительному конструированию новой системы власти и доходов теми, кто владеет «навигацией» в киберпространстве.

В апрельском интервью историк Наталья Цветкова сфокусировала внимание на роли интернета в распространении вируса: «Те страны [третьего мира], которые не представлены в цифровой среде, — там мало случаев заражения либо совсем нет. О чем это говорит — впервые в нашей истории человечество столкнулось с удивительной проблемой, которую мы до сих пор даже не понимаем... Паническая новость становится новостью № 1 и попадает на стол чиновников, которые начинают панически реагировать на эту информацию. Хотя все знают статистику, что от коронавируса действительно не так много умерло людей, как умирает от сезонных гриппов, пневмоний, наконец, погибают в ДТП»⁶.

В середине мая 2020 г. экс-министр внутренних дел Австрии Герберт Кикль в пылкой публичной речи обратился к бундесканцлеру Себастьяну Курцу: «Вы ввели все население в состояние страха и ужаса. Вы настаивали на том, чтобы СМИ показывали как можно больше фотографий гробов. Это означает, что Вы рассчитывали на страх населения. Вы надавили на примитивный страх людей, а именно — страх за собственное здоровье, за свою жизнь... Этим Вы подвели их к новой нормальности, которая заключается в том, что сейчас доносят на своих. Вы настолько запугали людей, что они носят маску, находясь в одиночку в своей машине... Эту новую нормальность создали Вы. СМИ заняты производством страха. Вы делаете это, чтобы выглядеть спасителями»⁷. Себя Кикль причислил к еретикам, а остальных — к «жертвам новой нормальности» (в немецком «нормальность» — *Normalität* — звучит с «режимным» оттенком).

В конце мая в интервью «Harvard Business Review Россия» антрополог Илья Утехин заметил: «Пандемия окажется песочницей, в которой под благовидным предлогом тестируются способы гиперконтроля со стороны Большого брата. Любая угроза, например террористическая, становится поводом для введения новых мер и порождает “театр безопасности”, интерактивную демонстрацию деятельности по обеспечению безопасности»⁸.

⁶ См.: <https://mir24.tv/articles/16407724/taina-pandemii-komu-vygodna-panika> (дата обращения: 01.07.2020).

⁷ См.: www.youtube.com/watch?v=7ZmEIdNTm5k&feature=youtu.be&fbclid=IwAR16YHjkmHwRjaR1B2PNwOU2qA9pHm-poKEHDhr8d7a25sswd-j9LdZF6U (дата обращения: 01.07.2020).

⁸ <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/uroki-stoikosti-2020/830906?fbclid=IwAR0zXRtX2HiZRBNxewsjPIDmcYmj4byFotK-wiER44cWHwshgPqM551Bck> (дата обращения: 01.07.2020).

Действительно, под знаменем борьбы с вирусом нередко преследуются цели, далекие от здравоохранения. Понятно, что политики чувствуют себя комфортнее, когда во вверенных им владениях царит не мобильность, а стабильность. С особым интересом они тестируют удобные для администрирования системы оцифровки людей и тотально-персонального слежения. Опыт цифровых пропусков показывает повышенную управляемость посредством кибертехнологий даже столь многоликим и многослойным сообществом, как Москва. И экономические отношения, всегда считавшиеся регулируемые конкуренцией и рынком, ныне демонстрируют системную зависимость от Сети. В происходящей на наших глазах мировой киберреволюции ковид сыграл роль теста, фильтра и зеркала, в котором отразилась новая оцифрованная действительность.

Впрочем, реальный мир тоже по-своему обновляется. Ковид скорректировал некоторые тренды вроде моды на частые путешествия, массовые шоу и публичные собрания. Судя по репликам в сетях, многие не без удивления и удовольствия заново открыли для себя прелесть малых локальных миров — семьи, дома, круга родни и друзей. Местные жители популярных курортов, оглядывая пустующие улицы и пляжи, рассмотрели их красоту собственным, а не коммерческим взглядом. Спад социальной и индустриальной активности привел к заметному оживлению природы, сокращению выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов.

Однако остановка социальной жизни чревата взрывом, и в карантинной статике вместо движения началось брожение, прорывающееся в неожиданно бурных протестах вроде (анти)расистских манифестаций Black Lives Matter в США, массовых демонстраций #ЯМыСергейФургал в Хабаровске, выступлений ковид-диссидентов во Владикавказе и Берлине. Общее количество движения в мире не уменьшилось, а лишь изменило формы: сетевой человек обрел новую мобильность в киберпространстве, а ценой этой метаморфозы стали жизнь в Сети и подчинение законам Сети.

Скорость страха вируса значительно выше скорости самого вируса. И в целом движение идей заметно быстрее движения вещей. Реальный предмет может покоиться на одном месте, а его виртуальные образы курсировать по всему свету и попадать в самые разные по тематике информационные потоки. Аватары предмета могут участвовать одновременно во многих виртуальных сценариях с различными ритмами и скоростями. Можно ли рассчитать диапазон киберскоростей в зависимости от репертуара виртуальных сценариев?

В реальном мире подобный расчет уже не раз производился: например, французский искусствовед Жорж Польти полагал, что вся

театральная драматургия ограничена 36 сюжетами/сценариями — от адюльтера и мести до безумия и богоборчества (Polti 1924). В антропологии движения есть понятие мотивационно-деятельностной схемы, которая удобна для создания такой матрицы. Правда, поведенческий код не универсален и имеет массу вариантов последовательного и параллельного подключения действий, причем их ритм и аранжировка различаются в зависимости от этнокультурных, конфессиональных, профессиональных, гендерных и других частностей.

У киберскоростей свой диапазон, соотносимый с набором виртуальных сценариев. В первом приближении видно, что средняя киберскорость значительно выше скоростей реальной жизни: там, где прежде для реализации замысла требовалась жизнь, сегодня достаточно короткого акта коммуникации. Другое дело, что эффект/итог такого акта затирается так же быстро, как был достигнут; эта ситуация напоминает соотношение большого кино и клиповой нарезки, которые обычно служат метафорами модерна и постмодерна. Если, сберегая преемственность корня «модерн», назвать сегодняшний день кибермодерном, то его символами могут быть гифка-анимашка или флешмоб-онлайн.

Набор сценариев киберпространства обширен, но исчислим, поскольку исходит из ассортимента программ, разработанных «кормчими» (в старом значении «кибернетиками») виртуального мира. С одной стороны, эти программы «списаны с жизни» и учитывают каноны общения; с другой — выходят за пределы реальности, соединяя в быстройдействии элементы, которые в реальности несоединимы, в том числе разрозненные факты и идеи, находящиеся на разных орбитах пространства и времени люди и вещи. Создаваемый в проектно-субъектном времяпространстве эффект «мгновения мира» подобен флешмобу, и именно такими «вспышками» пульсирует киберсеть.

Сегодня виртуальный сценарий предшествует реальному не только в науке, технике и индустрии, но и в политике, социальном проектировании, культуре и искусстве. Многие общественные действия предварительно продумываются и тестируются в виртуальных версиях, и даже импровизации следуют киберканонам, отвечающим матрице виртуальных коммуникаций. Интернет-проектирование (по крайней мере, в части контента, драматургии и координации действий) многократно испытано, например, в «цветных революциях» и других судьбоносных движениях. Фактором их успеха служит киберскорость распространения информации и согласованных действий-онлайн. Резонанс соединенной виртуально-реальной коммуникации таков, что моментальная эмоция может породить социальную лавину, как это случилось с улетевшим в эфир мгновением убийства чернокожего в Миннеаполисе. Киберскорость обнажает и гипертрафирует то, что обычно скрывается этикой взаимного сдерживания и правилом «утро вечера мудренее».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
- Винер Н.* Кибернетика (или управление и связь в животном и машине). 2-е изд. М.: Советское радио, 1968. 326 с.
- Головнёв А. В.* Скорость в антропологии движения // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 57–78.
- Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С.* Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108.
- Курганов Е.* О необходимости страха / ред. Н. Букс, Ф. Конт. Париж; М.: Сорбонна; Русский институт. 2005, С. 36–43.
- Amunts K., Kedo O., Kindler M., Pieperhoff P., Mohlberg H., Shah N., Habel U., Schneider F., Zilles K.* Cytoarchitectonic mapping of the human amygdala, hippocampal region and entorhinal cortex: intersubject variability and probability maps // *Anatomy and Embryology*. 2005. No 210 (5–6). Pp. 343–352.
- Bauman Z.* From Pilgrim to Tourist — or a Short History of Identity // *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and Hay du Paul. London: Sage Publication, 1996. Pp. 18–36.
- Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000. 232 p.
- Carleton R. N.* Fear of the unknown: One fear to rule them all? // *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 41. June. 2016. Pp. 5–21.
- Duffy E.* The Speed handbook: Velocity, pleasure, modernism. Durham & London: Duke Univ. Press, 2009. 316 p.
- Gates B.* Business @ The Speed of Thought. Harlow: Penguin Books, 2001. 107 p.
- Golovnev A., Osherenko G.* Siberian Survival: The Nenets and Their Story. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1999. 176 p.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1989. 392 p.
- Hughes H. K.* Plato's and Ampère's use of kubernetes // *Cybernetics Forum*. Summer. 1975. Vol. VII. No 2. Pp. 14–15.
- Liptak A.* Israel launched an airstrike in response to a Hamas cyberattack // *The Verge*. 5 may, 2019.
- Maras M.-H.* Cybercriminology. Oxford University Press, 2016. 448 p.
- Murray E. A., Izquierdo A., Malkova L. A.* Amygdala function in positive reinforcement // *The Human Amygdala*. New York: Guilford Press, 2009. Pp. 82–104.
- Polti G.* The thirty-six dramatic situations. Franklin, Ohio: James Knapp Reeve, 1924.
- Salazar N. B.* Momentous Mobilities. Anthropological Musing on the Meanings of Travel. New York; Oxford: Berghahn Books, 2018. 191 p.
- Virilio P.* Speed and politics: An essay on dromology. Los Angeles: Semiotext (e), 2006. 162 p.

REFERENCES

- Amunts K., Kedo O., Kindler M, Pieperhoff P., Mohlberg H., Shah N., Habel U., Schneider F., Zilles K. Cytoarchitectonic mapping of the human amygdala, hippocampal region and entorhinal

cortex: intersubject variability and probability maps. *Anatomy and Embryology*, 2005, no. 210 (5–6), pp. 343–352. (In English).

Bauman Z. From Pilgrim to Tourist — or a Short History of Identity. *Questions of Cultural Identity*. London: Sage Publication, 1996, pp. 18–36. (In English).

Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2000. 232 p. (In English).

Bodrijar Zh. *Simulyakry i simulyacii* [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum Publ., 2015. 240 p. (In Russian).

Carleton R. N. *Fear of the unknown: One fear to rule them all?* *Journal of Anxiety Disorders*, 2016, June, vol. 41, pp. 5–21. (In English).

Duffy E. *The Speed handbook: Velocity, pleasure, modernism*. Durham & London: Duke Univ. Press, 2009. 316 p. (In English).

Gates B. *Business @ The Speed of Thought*. Harlow: Penguin Books, 2001. 107 p. (In English).

Golovnev A. V. [Speed in the anthropology of movement]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2020, no. 2, pp. 57–78. (In Russian).

Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kissler T. S. [Web ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], 2018, no. 1 (58), pp. 100–108. (In Russian).

Golovnev A., Osherenko G. *Siberian Survival: The Nenets and Their Story*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1999. 176 p. (In English).

Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1989. 392 p. (In English).

Hughes H. K. Plato's and Ampère's use of kubernetes. *Cybernetics Forum*, 1975, vol. 7, no. 2, summer, pp. 14–15. (In English).

Kurganov E. [The need for fear]. *Semiotika straha* [Semiotics of fear]. Paris, Moscow: Sorbonna, Russkij institut Publ., 2005, pp. 36–43. (In Russian).

Maras M.-H. *Cybercriminology*. Oxford University Press, 2016. 448 p. (In English).

Murray E. A., Izquierdo A., Malkova L. A. Amygdala function in positive reinforcement. *The Human Amygdala*. Guilford Press, 2009, pp. 82–104. (In English).

Polti G. *The thirty-six dramatic situations*. Franklin, Ohio: James Knapp Reeve, 1924. (In English).

Salazar N. B. *Momentous Mobilities. Anthropological Musing on the Meanings of Travel*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2018. 191 p. (In English).

Viner N. *Kibernetika (ili upravlenie i svyaz 'v zhitvnom i mashine)* [Cybernetics (or control and communication in an animal and a machine)]. Moscow: Sovetskoe radio Publ., 1968. 326 p. (In Russian).

Virilio P. *Speed and politics: An essay on dromology*. Los Angeles: Semiotext (e), 2006. 162 p. (In English).

Submitted: 01.07.2020

Accepted: 05.08.2020

Article is published: 01.10.2020